

Предисловие

речивые тенденции изменения дискурса о сексуальности в постсоветский период.

В третьей главе представлены методики качественного анализа разных аспектов гендерных отношений. Первая из них может быть использована для реконструкции биографического опыта, вторая применяется для изучения гендерной идентичности, третья дает возможность изучать процессы социальной мобильности с учетом гендерного подхода.

Авторы благодарят Фонд Форда, при поддержке которого появилась данная коллективная монография. При подготовке этой публикации неоценимыми явились обсуждения и консультации с коллегами по сообществу. Поддержку нам оказали С. Айвазова, Д. Асратян, Т. Барчунова, О. Воронина, В. Воронков, Е. Гапова, Т. Герасимова, В. Голофаст, Т. Гурко, Т. Жданова, С. Жеребкин, И. Жеребкина, Г. Зверева, О. Здравомыслова, Л. Кабанова, Т. Клименкова, Н. Козлова, И. Кон, А. Клецин, И. Клецина, Е. Кочкина, Е. Лагунова, Ю. Лернер, М. Лильестрем, О. Липовская, М. Маколи, Е. Мезенцева, Е. Мешеркина, И. Новикова, Е. Омельченко, И. Освальд, Л. Попкова, Н. Пушкарева, Г. Рахманова, М. Риттер, А. Розенхольм, П. Романов, И. П. Руус, М. Середа, А. Усманова, В. Успенская, С. Ушакин, Э. Хаавио-Маннила, З. Хоткина, С. Шакирова, Н. Шахназарян, О. Шнырова, Л. Штылева, И. Юкина, С. Ярошенко, Е. Ярская-Смирнова. Мы признательны женским организациям, с которыми сотрудничали и связи с которыми продолжаются. Наши исследования на разных этапах поддерживали Фонд Д.и К. Макартуров, Фонд Форда, Фонд Карнеги, Фонд Г. Бёлля, Женская сетевая программа Фонда «Открытое общество», Финская Академия Наук. Мы благодарны за сотрудничество московскому Центру гендерных исследований, гендерным центрам Самарского, Тверского и Харьковского государственных университетов, Европейского гуманитарного университета в Минске, Армянской ассоциации «Женщины с высшим образованием». Мы благодарим также всех аспирантов программы, без которых эта работа не была бы возможна.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования¹

(Е. Здравомыслова, А. Темкина)

Задача статьи — представить социологические основания одного из феминистских подходов, получившего название теории социального конструирования гендера. Сначала данный подход будет рассмотрен как феминистская критика эссенциализма в интерпретации полов и как когнитивная практика феминистского движения, затем будут проанализированы его теоретические основания и главные положения.

Социальное конструирование гендера как феминистская критика

В «Энциклопедии феминизма», опубликованной в 1986 году, социальный конструктивизм определяется в самом общем виде как «представления, что статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским не имеют биологического происхождения, а, скорее, являются способом интерпретации биологического, легитимным в данном обществе» (Tuttle 1986:305).

Положение о том, что отношения между полами социально сконструированы, основано на отрицании биологического де-

¹ Версии данного параграфа опубликованы в сборнике «Женщина. ГЕНДЕР. Культура» (под ред. З. Хоткиной, Н. Пушкаревой, Е. Трофимовой. М., 1998. С.46–65), в «Социологическом журнале» (2001. № 3–4. С. 171 — 182), в учебном пособии «Введение в гендерные исследования» (Ч. 1. Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 147-173).

терминизма. Сторонники теории социального конструирования гендера подвергают сомнению тот факт, что отношения в обществе, складывающиеся между полами, являются дериватами принадлежности к биологическому полу, что все социальное биологически фундировано и поэтому считается *естественным и нормальным*. Тем самым они критикуют внеисторизм и эссенциализм (сущностную неизменность) сложившихся отношений между полами и социальными группами, различающимися по биологическим признакам.

Феминистские сторонники социального конструктивизма развивают свой подход в оппозиции к нескольким группам взглядов. Во-первых, они оппонировать так называемой позиции здравого смысла, во-вторых — основному руслу социальной теории, в-третьих — тем феминистским направлениям, которые мыслят гендер как культурные корреляты биологического пола. Феминистская критика представляет собой один из аспектов когнитивной практики женского движения второй волны, цель которого — объяснение несправедливости существующего гендерного порядка и выработка средств для его изменения.

Итак, феминистская теория оппонировать *здоровому смыслу*, опирающемуся на позиции биологического детерминизма или фундаментализма. Природа человека, согласно этой позиции, имеет двойственный характер, иными словами — «все на свете делится на мужское и женское». Моральная дихотомия полов (Goffman 1997a) признается как основание разделения всей социальной реальности на мужскую и женскую не только в сфере биологического воспроизводства, но и в сфере культурного и социального (вос)производства.

В обыденных представлениях «анатомия — это судьба»; следовательно, в основании культурной интерпретации пола, возраста, этничности содержится некая биологическая сущность, аскриптивный (предписанный) статус. Половые роли конструированы: и мужчины и женщины создаются, ими не рождаются — этот тезис, парадоксальный для эссенциалистов, отстаивают критики. Они утверждают, что не существует ни женской, ни мужской *сущности*. Биология — не судьба ни для мужчины, ни для женщины (ни для всякого *иного* — ребенка, старика); нет изначально заданного и навеки предопределенного женского/мужского вопреки предположениям «здорового

смысла». Все мужское и женское, молодое и старое создано в разных контекстах, имеет разные лица и наполнено различным содержанием опыта и разными смыслами.

Сторонники теории социального конструирования гендера выступили и как *критики основного русла социологических теорий*, большинство из которых эксплицитно или имплицитно содержит эссенциалистские предпосылки трактовки отношений между полами. Поясним это на примере таких классических направлений социальной теории, как марксизм, структурный функционализм и драматургический интеракционизм.

Логика марксистской социологии при всех вариантах приводит исследователей к утверждению, что гендерные отношения, т. е. отношения между полами, это один из аспектов производственных отношений, которые мыслятся как отношения эксплуатации. При этом разделение труда между мужчиной и женщиной рассматривается как первичное, необходимое для существования человеческого рода. «Вместе с этим (ростом потребностей. — *Авт.*) развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершившимся само собой или "естественно возникшим" благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям» (Маркс, Энгельс 1955: 30).

Э. Дюркгейм связывает изменение положения полов с общественным разделением труда и развитием цивилизации. В результате социального развития, считает он, «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой — интеллектуальными» (Дюркгейм 1991: 61). В основании диссоциации функций находятся «дополняющие друг друга (т. е. природные. — *Авт.*) различия» (Там же: 58).

Колоссальное влияние на осмысление отношений между полами имели труды Т. Парсонса, особенно его совместная монография с Р. Бэйлзом (Parsons 1949; Parsons, Bales 1955). Этот подход стал парадигмальным, получив название полоролевого. Согласно ему, женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, мужчина — инструментальную. Экспрессивная роль означает, говоря современным языком, осуществление заботы, эмоциональной работы, поддержание психологического баланса семьи. Эта роль является монополией домашней хозяйки, относится к сфере ответственности

женщины. Инструментальная роль мужчины заключается в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика и защитника. Типы ролевого поведения определяются социальным положением, ролевые стереотипы усваиваются в процессе социализации и интериоризации норм, или ролевых ожиданий. Правильное исполнение роли обеспечивается системой поощрений и наказаний (санкций), положительных и отрицательных подкреплений. При этом исходным основанием поло-ролевого подхода является имплицитное признание биологического детерминизма ролей, отсылающее к фрейдистскому представлению о врожденных мужском и женском началах.

Поло-ролевой подход оказался настолько востребованным в социологии, что и в его рамках, и за его пределами вплоть до настоящего времени используются понятия мужской и женской роли. Данный подход стал *общим местом* научных и повседневных обсуждений мужского и женского². Как указывает австралийский социолог Р. Коннелл, биологическая дихотомия, лежащая в основе теории ролей, убедила многих теоретиков в том, что отношения полов не включают измерения власти, женская и мужская роли молчаливо признаются равнозначными, хотя и разными по содержанию (Коннелл 2000: 262).

Драматургический интеракционизм И. Гофмана считается источником социально-конструктивистской интерпретации гендерных отношений. Однако и в его работах можно усмотреть эссенциалистские тезисы. Половые различия, рассматриваемые им на уровне социального взаимодействия, воспринимаются как выражение естественной половой сущности индивидов. «Гендерная игра», осуществляемая в социальных взаимодействиях, становится естественным проявлением сущности (биологического пола) актеров, которая организована социально. Половые различия наделяются социальным смыслом в соответствии с принципами институциональной реф-

² В работе «Ролевая структура и анализ семьи» (Nye *et al.* 1976) «группа американских социологов приводит удивительный список ролей, которые они обнаружили в американской семье, включая "роль заботы о детях", "роль родственника", "сексуальную роль", "рекреационную роль", не говоря уже о ролях "добытчика" и "хранительницы очага"» (Коннелл 2000: 259).

лексивности (Goffman 1997a, 1997b). Гендерная институциональная рефлексивность рассматривается как встроенность гендерных стереотипов во все институты общества.

Итак, до распространения феминистской критики в 1970-е годы интерпретация полов в социологии в своем основании так или иначе содержала эссенциалистские принципы. Это касается и марксистской социологии, и структурно-функционального анализа, и социологии микроуровня. Социология практически всегда включала в свое поле рассмотрение отношений полов, которое зависело от общего теоретического подхода, пол при этом интерпретировался как аскриптивный (предписанный) статус.

Феминистский гендерный подход сформировался как критика представлений классической социологии о природе отношений между полами. В его рамках статус пола перестает быть аскриптивным. Гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства. Именно в рамках социально-конструктивистского подхода было сформулировано такое понимание гендерных отношений и определен предмет гендерных исследований.

Как указывает немецкая исследовательница Р. Хоф, те, кто изучает гендерные отношения, задаются прежде всего вопросом о значении, которое приписывается различиям между мужчинами и женщинами. Исследователи отрицают наличие причинной зависимости между мужской и женской анатомией и определенными общественными ролями, которая принимается как естественный порядок вещей. Общественная организация, в которой мужчины и женщины играют определенные роли, не может быть понята без анализа соответствующих властных систем (Хоф 1999: 42).

Кроме того, социальные конструктивисты оппонировали *предшествующим направлениям феминистской мысли*, противопоставляющим гендер полу как культурное — биологическому. Тезис о том, что «женщиной рождаются», подвергается критике уже Симоной де Бовуар в работе «Второй пол» (1949) (Бовуар 1997). Однако в феминистской литературе вплоть до начала 1970-х годов доминировало представление о том, что гендер является культурным коррелятом пола, в основании которого находятся природные (анатомические) характеристики. В контексте различия пола и гендера считалось, что

гендерная константа формируется у ребенка к пятилетнему возрасту. Дальнейшая социализация заключается лишь в обогащении базовой роли соответствующими опытами, посредством чего гендерная константа воспроизводится и укрепляется. Гендерная идентичность становится личностным атрибутом, который фиксируется и остается неизменным и неотчуждаемым. В этом смысле гендерная константа может быть с успехом уподоблена биологическому полу. Если гендер достигнут к пятилетнему возрасту и дальше уже не изменяется, то, по существу, он функционирует как аскриптивный статус.

Под влиянием социально-конструктивистской феминистской критики происходит проблематизация анатомических и других биологических оснований пола. Сомнение в том, что пол и гендер различаются как предписанный и достигаемый статусы, приводит к новой интерпретации этих понятий. Гендер определяется как причина и как результат повседневных взаимодействий, которые контролируются обществом.

Биологический детерминизм представляется феминисткам неприемлемым *по политическим мотивам*. Теория как когнитивная практика движения ориентируется на социальные изменения, т. е. на изменения гендерной стратификационной системы. Социальная теория призвана предоставить обоснование изменения гендерного порядка и соответствующих коллективных действий.

Социальный конструктивизм оказался той теорией, на основании которой стали концептуализироваться различия между разными категориями женщин и мужчин. Во второй половине 1980-х годов в рамках женского движения был подвергнут сомнению доминирующий тогда феминистский дискурс, — дискурс общности женского опыта страдания, или дискурс *женского универсализма*. Декларация женской общности, выражаемая обращением «сестра» и категорией «женщина», была поставлена под сомнение. На этом этапе вызов доминирующей феминистской позиции был обусловлен активизацией в движении и дискурсе цветных женщин, в том числе и чернокожих американок. Они определили весь предшествующий феминистский дискурс как обсуждение белыми женщинами, принадлежащими к среднему классу, своих проблем, не связанных с опытом женщин других этнических, социальных и религиозных групп. Частные опыты, утверждали они, имеют локальный

характер, его генерализация всегда приобретает идеологический смысл. Приписывание всем женщинам опыта американок, принадлежащих к среднему классу, интерпретируется как попытка белых женщин элиты утвердить свое дискурсивное господство над разного рода меньшинствами.

В ответ на доминирующий феминистский дискурс возникают национальные, локальные и этнические феминизмы. Иллюстрацией этой позиции является высказывание афроамериканской феминистки белл хукс, которая утверждает, что в большинстве текстов по женскому вопросу, написанных белыми женщинами, начиная с XIX века и до сих пор авторы пишут о людях (вообще), а имеют в виду лишь белых, при этом говорят «женщины», но имеют в виду белую женщину. Соответственно термин «черный» часто употребляется у них как синоним «черный мужчина». В монографии «Феминистская теория: от края к центру» в 1984 году белл хукс приходит к заключению, что в США белые мужчины являются угнетателями белых женщин, но вместе белые мужчины и белые женщины являются угнетателями всех черных (bell hooks 1984; см. также: белл хукс 2000); таким образом, система господства конструируется и воспроизводится на разных уровнях в рамках одной расы и между расами.

В основе нового представления цветных феминисток о гендерных отношениях лежит опыт депривации (обездоленности) определенных групп женщин, который не вписывался в сложившуюся парадигму. Меньшинства феминистского движения (цветные) оказались немymi, лишенными голоса в дискурсе феминизма. Политически осознанное *переживание и осмысление несправедливости* становится сильнейшим стимулом для формирования нового теоретического подхода. Единственная возможность стать видимыми и слышимыми для *других* женщин заключалась в переосмыслении теоретических оснований концепции, оставившей их опыт за пределами публичного дискурса, который, по Ю. Хабермасу, является дискурсом о справедливости и правах человека.

Итак, задачей новых сил феминистского движения конца 1980-х годов становится анализ значений, приписываемых *различиям мужского и женского* в разных контекстах, а также и изучение отношений власти, которые создаются социальными взаимодействиями. Исследователи осознали, что необходимо

прояснить основания существующих гендерных отношений, ответить на вопрос, как возможны гендерные отношения в данном обществе, каким образом они создаются, принимая вид естественных и имманентно присущих индивиду, группе, социуму. Если признать, что гендер сконструирован как общественные отношения властного взаимодействия, то можно поставить вопрос об изменении данных отношений. То, что встроено в социальный порядок, может быть не только проанализировано, но также подвергнуто сомнению и перестроено.

Теория социального конструирования гендера, как всякая феминистская теория, содержит политический мотив и ориентирована на политический результат. В этом смысле мы можем считать ее идеологией — т. е. ориентацией на социальные изменения. Сторонники этого подхода, в частности американская исследовательница Дж. Лорбер, утверждают, что необходимо построить новый социальный порядок, ибо существующий социальный порядок пронизан гендерными отношениями неравенства и базируется на них (Lorber, Farrell 1981). Социальный порядок будущего должен быть основан на принципе гендерного равенства. Это означает, что различия, в том числе и между полами, перестанут реализовываться как иерархические, как предполагающие разный статус и разные возможности.

Основные источники теории социального конструирования гендера

Чтобы прояснить суть той или иной специальной теории, надо показать ее место в современной социологии. Социально-конструктивистская интерпретация гендерных отношений не является автономной, она вырастает из более широкого постклассического социологического дискурса. Можно выделить по крайней мере три социологические теории, которые стали питательной почвой для формирования данного феминистского исследовательского направления.

Социально-конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана

Основной тезис теории П. Бергера и Т. Лукмана, изложенный ими в работе 1966 года «Социальное конструирование реальности» (Бергер, Лукман 1995), сводится к следующему. Со-

циальная реальность является одновременно объективной и субъективной. Она отвечает требованиям объективности, поскольку независима от индивида, и ее можно рассматривать как субъективный мир, потому что она постоянно создается индивидом.

В середине 1960-х годов Бергер и Лукман поставили под сомнение господствующую американскую социологическую парадигму — парсонсианское представление о том, что есть социологическое (по)знание. Основой социологии как таковой они объявили социологию знания, что отражено в подзаголовке их книги: *трактат по социологии знания*. Социология знания возникла в 1920-е годы и рассматривалась прежде всего как изучение социального происхождения идей, концепций и теорий (Sheler 1960). Бергер и Лукман, вслед за К. Манхеймом (1994), расширяют это понимание. Они заземляют саму трактовку знания: для них сфера знания — это не только высокие сферы теоретических концептов, но и обыденное знание, т. е. весь запас навыков, опытов и стереотипов, которым оперирует человечество в мире повседневности. Таким образом интерпретированная социология знания суть социология *perse*, поскольку ее предметом оказывается происхождение и механизмы создания ныне существующего опыта и социального порядка.

В феминистском дискурсе эта теория приобретает сильные позиции во второй половине 1980-х годов. Феминистские исследователи ставят перед собой ту же самую задачу, что и авторы указанного выше трактата. гендер для них — это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в практиках, представлениях, предпочтениях бытования. гендер — это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно избавиться и от которой нельзя отказаться; она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия и взаимодействия. Задача исследователя — выяснить, каким образом создается мужское и женское во взаимодействии, в каких сферах и каким образом оно поддерживается и воспроизводится.

Рассмотрим аргументы в пользу нового подхода. С чем связано сомнение в том, что пол является врожденным и неизменным и что человеку можно однозначно приписать тот или иной пол? Первым вызовом такой позиции является гомосексуализм — и не столько сама практика гомосексуальных отноше-

ний, сколько изменение дискурса об однополой любви. Второй вызов — это обсуждение проблемы транссексуалов. Третий вызов связан с осмыслением новейших биологических исследований, согласно которым однозначное приписывание пола по хромосомным и генетическим признакам затруднителен. Все явления, прежде рассматривавшиеся как аномалии, болезни или перверзии, в постсовременном дискурсе нашли место как варианты нормы, как проявления многообразия жизни. Новые дискурсивные факты приводят феминистских авторов к выводу, что не только роли, но и сама принадлежность к полу приписывается индивидам в процессе взаимодействия.

Новый тезис заключается в том, что пол является социальным конструктом. Представление о социальном конструировании гендера существенно отличается от теории гендерной социализации, разработанной в рамках поло-ролевого подхода Т. Парсонса, Р. Бейлза и М. Комаровски (Komarovsky 1950; Parsons 1949; Parsons, Bales 1955). В центре поло-ролевой теории социализации — процесс научения и интериоризации культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социум. Научение предполагает усвоение и воспроизведение существующих норм. Подоплекой этого концепта является представление о личности как относительно пассивной сущности, которая воспринимает, усваивает культурную данность, но не создает ее сама.

Первое отличие теории конструирования гендера от традиционной теории гендерной социализации заключается в акценте на активность научаемого индивида³. Идея конструирования подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта. Субъект создает гендерные правила и гендерные отношения, а не только усваивает и воспроизводит их. Он может и воспроизвести их, но он в состоянии и их разрушить. Сама идея *создания* подразумевает возможность изменения социальной структуры. То есть, с одной стороны, гендерные отношения объективны, потому что индивид их воспринимает как внеположенную данность, а с другой — они субъективны как социально конструируемые каждодневно, ежеминутно, здесь и сейчас.

³ У Бергера и Лукмана термин «социализация» рассматривается неортодоксально — не только как процесс усвоения ролей, но и как процесс выработки новых правил.

Второе отличие обсуждаемого здесь подхода заключается в том, что гендерные отношения понимаются не просто как различие-дополнение, а как конструируемые отношения неравенства, в рамках которых мужчины занимают доминирующие позиции. Дело не только в том, что в семье и в обществе мужчины выполняют инструментальную, а женщины экспрессивную роль (Parsons, Bales 1955), а в том, что исполнение предписанных и усвоенных ролей подразумевает неравенство возможностей, преимущество мужчины в публичной сфере, вытеснение женщины в сферу приватную. При этом сама приватная сфера оказывается менее значимой, менее престижной и даже репрессированной в западном обществе периода модерна.

гендерные иерархии (вос)производятся на уровне социальных взаимодействий. Факт «производства гендера» («doing gender») становится очевидным лишь в случае коммуникативного сбоя, поломки сложившихся образцов поведения.

Этнометодология Г. Гарфинкеля: случай Агнес как категоризация и осуществление гендера в повседневности

Концептуализация проблем гендерных отношений представлена анализом случая транссексуализма Агнес (Garfinkel 1967). Рассмотрим его подробнее. До восемнадцатилетнего возраста Агнес воспитывалась как мальчик, с рождения имея мужские гениталии. В 18 лет, когда сексуальные предпочтения и телесная идиома привели к личностному кризису, он(а)* поменяла идентичность и приняла решение стать женщиной. Наличие мужских гениталий она интерпретирует как *ошибку природы*. Эта «ошибка», по мнению Агнес, подтверждается тем фактом, что везде ее принимали за женщину, и сексуальные предпочтения, которые она испытывала, были предпочтениями гетеросексуальной женщины. Смена идентичности приводит к тому, что Агнес полностью меняет образ жизни: она покидает родительский дом и город, меняет внешность — стрижку, одежду — и имя. Через некоторое время Агнес убеждает хирургов в том, что ей

⁴ С этого момента наш рассказ на русском языке затруднен в связи с гендерной заданностью родов существительных; язык предполагает использование мужского и женского рода, и мы не можем выйти за пределы данных дискурсивных структур.

необходимо сделать операцию по смене половых органов. Происходит хирургическая реконструкция гениталий. У нее появляется сексуальный партнер мужского пола. В связи с изменением биологического пола перед ней стоит жизненно важная задача — стать *настоящей женщиной*. Ей очень важно, чтобы ее никогда не разоблачили, — это залог ее признания в обществе, вписывания в рутину повседневности. Это задача, которую новая молодая женщина должна решить, не имея «врожденных сертификатов» женственности и изначально женских половых органов, не пройдя школу женского опыта, который известен лишь частично, поскольку во многом незаметен в материи человеческих взаимоотношений. Выполняя эту задачу, Агнес осуществляет постоянные действия по созданию и подтверждению новой гендерной идентичности. Именно эта стратегия становления настоящей женщины становится предметом анализа Гарфинкеля.

Случай Агнес, проанализированный в феминистской перспективе, позволяет по-новому понять, что такое пол (*sex*). Для того чтобы выяснить, каким же образом создается, конструируется и контролируется гендер в рамках социального порядка, исследователи аналитически различают три главных понятия: *биологический пол (sex)*, *приписывание пола (категоризация по полу)* и *гендер* (Уэст, Зиммерман 1997).

Биологический пол — это совокупность биологических признаков, которые являются лишь предпосылкой отнесения индивида к тому или иному биологическому полу. Категоризация по полу, или приписывание пола в отношении индивида, имеет социальное происхождение. Наличие или отсутствие соответствующих первичных половых признаков не гарантирует того, что индивида будут относить к определенной категории по полу. Агнес сознательно строит собственный гендер, учитывая механизмы категоризации по признаку пола, действующие в повседневной жизни. Она все время пытается убедить общество в своей женской идентичности. Гарфинкель называет Агнес методологом-практиком и истинным социологом, потому что, попадая в проблемную ситуацию гендерного сбоя (*gender trouble*'),

5 Термин «*gender trouble*» заимствован из книги Д. Батлер (который на русский язык переведен также как «гендерное беспокойство») (Батлер 2000).

она начинает осознавать механизмы «делания» социального порядка. Ее опыт, фиксируемый и анализируемый Гарфинкелем и его исследовательской группой, приводит к пониманию того, что социальный порядок держится на различии мужского и женского, т. е. гендерно сконструирован.

Различение биологического пола, категоризации по признаку пола и гендера позволяют исследователям выйти за пределы интерпретации пола как биологической данности, как *аскриптивного статуса*, противопоставленного гендеру — *достижаемому статусу*. Гендер мыслится как результат повседневных взаимодействий, требующих постоянного исполнения и подтверждения; он не достигается раз и навсегда в качестве неизменного статуса, а постоянно производится и воспроизводится в коммуникативных ситуациях. Одновременно это «культурное производство» скрывается и выдается обществом за проявление некоей биологической сущности. Однако в ситуациях коммуникативных сбоев факт «производства» и его механизмы становятся очевидными.

Процедура приписывания пола постоянно сопровождает повседневное человеческое взаимодействие. В пользу данного тезиса американские феминистские исследователи К. Уэст и Д. Зиммерман (1997) приводят другой пример «гендерного сбоя». Клиент-социолог приходит в компьютерный магазин и обращается к продавцу за консультацией. Однако он сталкивается с затруднением при коммуникации лицом к лицу, поскольку не может определить пол человека, к которому адресует свой вопрос. Рассказчик-клиент ощущает чрезвычайное неудобство от невозможности идентифицировать пол продавца-партнера по взаимодействию — он сталкивается с тем, что может быть названо «*gender trouble*». Покупатель-социолог осознает, что эффективная коммуникация по законам и нормам общества, в котором он живет, требует определения пола взаимодействующих. Он испытывает потребность в категоризации, необходимость отнести этого продавца к женскому или мужскому полу. В ситуации неопределенности в процессе взаимодействия возникает вопрос о критериях отнесения того или иного лица к категории пола.

Ситуация в магазине оставила клиента-исследователя в недоумении. Он не смог определить пол продавца, но сформулировал методологическую проблему. Ситуация коммуника-

тивного сбоя позволила зафиксировать потребность идентифицировать агентов взаимодействия по признаку пола, возникающую в процессе коммуникации. Когда пол того, с кем взаимодействуешь, известен, коммуникация работает. Если возникает проблема идентификации, коммуникация дает сбой. Таким образом, исследователи приходят к выводу, чрезвычайно важному для микросоциологии гендерных отношений, а именно: приписывание пола (категоризация по полу) является базовой практикой повседневного взаимодействия; она становится нерелевантным фоном для коммуникации во всех социальных сферах и избавиться от нее не представляется возможным. Категоризация по полу атрибутивна социальному взаимодействию. Когда она затруднена, возникает коммуникативный срыв.

Рассказ о продавце и покупателе — это нарратив о проблемной ситуации коммуникации, позволяющей различить пол и категоризацию по полу (или приписывание пола). Пол индивида далеко не всегда совпадает с той категорией принадлежности к полу, которая ему приписана. Если биологический пол определяется через наличие биологических признаков — анатомо-физиологических, то в ситуации взаимодействия лицом к лицу приписывание пола происходит по другим признакам.

Понять, каким образом конституируется категория принадлежности к полу в том или ином контексте, мы можем лишь если проанализируем механизмы работы той или иной культуры. Отсюда становится ясным, что гендерные отношения — это конструкты той культуры, в рамках которой они работают. Или, иными словами, эта работа культуры по приписыванию половой принадлежности и называется гендером.

Приведенное выше рассуждение позволяет конструктивистам сформулировать следующее понимание гендера. *гендер — это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка* (Уэст, Зиммерман 1997).

***Драматургический интеракционизм И. Гофмана:
гендерный дисплей***

В теории социального конструирования гендера ответ на вопрос, как создаются категории мужественности и женствен-

ности, дается на основании представлений символического (драматургического) интеракционизма И. Гофмана (Goffman 1997a, 1997b). Утверждая, что гендер создается каждый момент, здесь и сейчас, исследователи приходят к выводу, что для понимания его оснований необходимо обратиться к анализу микроконтекста социального взаимодействия. гендер в рамках этого подхода рассматривается как результат социального взаимодействия и одновременно — его источник.

гендер проявляет себя как базовое отношение социального порядка. Чтобы осмыслить процесс строительства этого социального порядка в конкретной ситуации межличностного взаимодействия, Гофман вводит понятие *гендерный дисплей*. В коммуникации лицом к лицу обмен разного типа информацией сопровождается фоновым процессом созидания гендера (doing gender). По утверждению Гофмана, гендерный дисплей является основным механизмом создания гендера на уровне межличностного взаимодействия лицом к лицу.

Используя понятие «гендерный дисплей», конструктивисты вслед за Гофманом утверждают, что гендерные отношения невозможно свести к исполнению половых ролей, что механизмы гендера более тонки и что гендер нельзя сменить подобно платью или роли в спектакле, так как он сросся с телами агентов взаимодействия⁶. Дисплей — это многообразие представления и проявления мужского и женского во взаимодействии. Гендерный дисплей как представление половой принадлежности во взаимодействии (как спектакль) столь тонок и сложен, что его исполнение не может быть сведено к определенным репликам, костюмам, гриму, антуражу и т. д. В гендерном дисплее проявляется хабитус действующего лица. Эта виртуозная

⁶ Феминистские тексты содержат много метафор, проясняющих смысл утверждений. Используем этот прием и приведем метафору. Миф о смерти Геракла сводится к тому, что герой надевает на себя плащ кентавра Неса, пропитанный ядом. Яд мгновенно проникает в тело Геракла, пытающегося в ужасных мучениях сорвать с себя плащ. Напрасно! Плащ срастается с телом, его можно сорвать только с кожей. гендер в интерпретации Гофмана напоминает плащ Неса. Феминистки также подчеркивают не только неразделимость гендера и коммуникации, но и болезненность приписанного пола. Срывание плаща Неса — слом гендерной идентичности — всегда вызывает боль.

игра выучена актерами давно и стала неотъемлемой частью их жизни, поэтому она выглядит естественным проявлением их сущности — выражением не гендера, но естества (биологического пола). В этом и заключается загадка конструирования гендера — каждую минуту участвуя в маскараде представления пола, мы делаем это таким образом, что игра кажется нам имманентно присущей и отражающей нашу сущность.

Феминистские исследователи оппонировать, как уже было сказано, биологическому детерминизму и не считают гендерный дисплей выражением биологической сущности пола. Дисплей, явленный в многообразии жестов, мимической игре, а также в материально-вещном оснащении исполнения, не является продолжением анатомо-физиологического пола, поскольку он не универсален, а культурно детерминирован. Разные широты, разные истории, разные расы и социальные группы обнаруживают разные дисплеи. Различия гендерных дисплеев затрудняют сведение их к биологическим детерминантам, но зато заставляют обратить внимание на властное измерение отношений между полами, явленное в дисплее. гендерный дисплей как механизм создания гендера на уровне взаимодействий должен быть «исполнен» таким образом, чтобы партнеры по коммуникации были правильно идентифицированы — как женщины или мужчины с уместным стилем и поведением в конкретной ситуации.

Для эффективной коммуникации в мире повседневности необходимо базовое доверие по отношению к тому, с кем происходит взаимодействие. Коммуникативное доверие зиждется на возможности идентификации, основанной на социальном опыте агентов взаимодействия. Быть мужчиной или женщиной и проявлять это в дисплее — значит быть социально-компетентным человеком, вызывающим доверие и вписывающимся в коммуникативные практики, приемлемые в данной культуре. Условием доверия (а значит, коммуникации лицом к лицу) является неартикулированное допущение, что каждое действующее лицо обладает целостностью, обеспечивающей постоянство, когерентность и преемственность в его действиях. Эта целостность, или идентичность, мыслится как основанная на некоей сущности, которая является в многообразии дисплеев женственности и мужественности, выражая принадлежность к полу и создавая возможность для категоризации.

Средства, которые используются в обществе для выражения принадлежности к полу, Гофман называет *формальными конвенциональными актами*. Формальные конвенциональные акты представляют собой модели уместного в конкретной ситуации поведения. Они построены по принципу «утверждение—реакция» и способствуют сохранению и воспроизведению норм повседневного взаимодействия. При этом предполагается, что исполнителями конвенциональных актов являются социально-компетентные действующие лица, включенные в данный социальный порядок, гарантирующий им защищенность от посягательств безумных (социально некомпетентных) индивидов. Примеры конвенциональных актов — контекстов гендерного дисплея — неисчислимы. Всякое ситуативное поведение, всякое *сборище* (*gathering*), по Гофману, мыслится как гендерно окрашенное. Официальная встреча, конференция, банкет — один ряд ситуаций; деловой разговор, исполнение работы, участие в игре — другой. Воспитательные практики, сегрегация в использовании институциональных пространств — еще одна группа примеров. гендерный дисплей представляет собой совокупность формальных конвенциональных актов взаимодействия.

Осознание связи гендерных проявлений с контекстами эффективной коммуникации привело к использованию конструктивистами понятий *подотчетность* или *объяснимость* (*accountability*). Процесс коммуникации предполагает некоторое количество негласных допущений или условий, создающих возможности взаимодействия. Когда взаимодействующее лицо вступает в коммуникативный контекст, оно демонстрирует себя, сообщая о себе некую информацию, способствующую наведению коммуникативного моста, формированию отношения базового доверия. Начиная общение, коммуникатор представляет себя как лицо, которое должно вызывать доверие. Его дисплей — это рассказ о себе, отчет перед другими, который своей уместностью делает человека приемлемым для коммуникации. Дисплей — это сертификат, гарантирующий признание взаимодействующего лица как нормального, не нуждающегося в социальной изоляции и лени.

Социальное воспроизводство дихотомии мужского и женского в гендерном дисплее гарантирует сохранение социально-

го и интерактивного порядка. Как только дисплей выходит за пределы подотчетности, как только перестает вписываться в общепринятые нормы бытования, его исполнитель попадает в ситуацию гендерной проблемы. Если женщина попытается стать тамадой в грузинском застолье, если в сегодняшней России мужчина-отец возьмет бюллетень по уходу за грудным младенцем при живой-здоровой матери, если мальчик в детском саду открыто выразит свое предпочтение игре в куклы — все эти персонажи столкнутся с сомнением общества в их социальной компетентности как мужчин или женщин. Это сомнение обусловлено тем, что их поведение не укладывается в созданные обществом нормы гендерного дисплея. Нарушение гендерного дисплея грозит остракизмом, но способствует формированию эмергентных норм⁷.

Гофман полагает, что в ситуации взаимодействия гендерный дисплей работает как «затравка». Демонстрация принадлежности к полу предшествует исполнению основной практики и завершает ее, работая как переключающий механизм (scheduling). Исследователь считает, что гендерный дисплей является включением в более важную практику, выступая своего рода прелюдией к какой-то конкретной деятельности. Феминистские конструктивисты Уэст и Зиммерман критикуют Гофмана за недооценку *проникающей способности* гендера. Анализируя взаимодействия, они показывают, что явление половой принадлежности происходит не на его периферии, работает не только в моменты переключения видов деятельности, но пронизывает взаимодействия на всех уровнях. Такая вездесущность, всепроникаемость гендера связана в том числе и с дискурсивным строением речи.

Грамматические формы родов, присутствующие во всех письменных языках, закрепляют женственность и мужественность как структурные формы и создают базовую основу для исполнения партий мужчины и женщины в многообразных контекстах. Обозначение профессиональной принадлежности,

⁷ Вспомним мадам Кукшину — непривлекательный образ эмансипе из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», противопоставленный истинно женственной Одинцовой. Стиль Кукшиной, сколько бы он ни осуждался писателем, давно утвердился в нашем обществе, расширяя допустимые нормы проявления женственности.

снабженное гендерным маркером, — доктор и докторша, врач и врачиха — вызывают работу воображения, опирающуюся на опыт повседневности. Используя гендерные языковые формы, мы актуализируем представление о том, как должна себя вести женщина-врач и чего мы ожидаем от мужчины-доктора. То же самое можно сказать о любой социальной ситуации. Всякая реально существующая или виртуальная ситуация взаимодействия гендерно специфицирована, и избавиться от этого не представляется возможным. Для изменения такого социального порядка надо изменить не только практики повседневности, но и дискурсивные структуры языка, что пытаются делать радикальные феминистки.

Итак, необходимость производства мужественности и женственности коренится в представлениях о социальной компетентности участников взаимодействия. Это производство непрерывно, оно не сводится к ролевым исполнениям, но характеризует личность тотально и выражается в гендерном дисплее. гендерный дисплей конвенционален и способствует воспроизводству социального порядка, основанного на представлении о мужском и женском в данной культуре. Данный тезис конструктивизма основан на микросоциологии социального взаимодействия и подтверждается исследованиями Гофмана, Гарфинкеля, Бергера, Лукмана и других социологов феноменологического направления.

Некоторые положения теории социального конструирования гендера

гендер и власть

Одним из самых существенных тезисов феминистского конструктивизма является тезис об инкорпорированности властных отношений в гендерные различия. В основе гендерной организации социальной реальности, утверждают феминистские исследователи, лежат отношения власти. В современном обществе отношения мужского и женского — это отношения различия, сконструированного как неравенство возможностей. Асимметрия отношений подчеркивается гендерным дисплеем, который маскирует дискриминацию под различие. Большинство ситуаций взаимодействия демонстрирует разные шансы

для мужчины и женщины, причем в публичной сфере шансы мужчины очевидно выше. В западной литературе приводятся многочисленные доказательства данного тезиса. Так, анализ беседы с участием мужчин и женщин показывает, что женщина менее активна, больше слушает, меньше говорит. Анализ распределения рабочих мест демонстрирует, что женщины по преимуществу занимают исполнительские позиции неключевого характера в отношении принятия решений. То же самое относится и к сфере политики. Итак, начиная анализировать гендерные отношения на уровне межличностного взаимодействия в контексте формальных конвенциональных актов, феминистские исследователи говорят о том, как конструируется гендер на макроуровне социальных институтов.

Анализ социального производства пола показывает, что гендерные отношения представляют собой отношения стратификации. Таким образом, конструктивистский взгляд на гендерное измерение взаимодействия приводит к методологически обоснованному отказу от двух предшествующих концепций социально-половых различий — концепции социальных (гендерных) ролей и концепции психологических половых различий.

С точки зрения конструктивистов гендер нельзя мыслить как социальную роль. Роли ситуативны и в принципе сводимы к набору операций. В одной ситуации эта роль может быть ролью врача, в другой — супруга (или супруги), в третьей — спортсмена (или спортсменки). При этом гендерная вариация присутствует в исполнении каждой из ролей. Гендер оказывается квазиролью, пронизывающей все остальные ролевые спецификации и являющейся базовой идентичностью, на которую нанизываются все другие роли. В этом отношении гендер — это категория, подобная *этничности*, она точно так же является контекстом исполнения конкретных ролей.

Гендер нельзя свести и к совокупности психологических черт личности (соответственно мужских или женских). Сторонники конструктивизма утверждают, что психологизация гендера препятствует анализу того, каким образом социальные институты становятся гендерно-специфицированными. Гендерные отношения как в сфере пола, так и в сфере власти рассматриваются как измерение. Здесь важны не только цифры, иллюстрирующие соотношение мужчин и женщин в электоральном поведении и подсчет результатов голосования мужчин и женщин за разные партии. Для конструктивистов важны диспозиции в полити-

Итак, гендер — это не роль и не совокупность психологических черт, а базовая идентичность. Гендерные отношения — это отношения стратификации, в основе которых лежат отношения власти. Различие мужского и женского сконструировано как неравенство возможностей.

Сферы конструирования гендерных отношений и задачи конструктивистского анализа

Данная методология предполагает формулировку соответствующих исследовательских задач. Прежде всего необходимо выяснить *ресурсы создания гендера*. Если мы рассматриваем гендер как постоянно создаваемое взаимодействие, то следует рассмотреть те средства, которые могут быть использованы обществом для создания иерархических отношений мужского и женского. Необходимо исследовать весь набор практик взаимоотношений между людьми с точки зрения ресурсов, которые сознательно и бессознательно используются для получения преимуществ и определения своего места в обществе. Предметом анализа феминистских конструктивистов является создание гендера в разных сферах социальной жизни — публичной и приватной. Приведем несколько примеров.

Публичная сфера условно дифференцирована на политический, экономический и символический миры. Каждый из них продуцирует отношения между полами. В сфере оплачиваемого труда области для анализа гендерного маскарада многообразны: мир рабочих мест и профессий; мужские и женские сферы занятости; квалификационная иерархия в рамках одной или нескольких профессий. Гендерная стратификация означает различие в количестве и содержании жизненных шансов социальных мужчин и женщин, а также в их стратегиях. Даже в рамках одного и того же набора профессиональных действий мы сталкиваемся с трудно артикулируемым различием в стиле мужского и женского исполнения — с гендерным дисплеем. Соответственно задача исследования — выяснить, как стилевые особенности влияют на шансы изменения социальной позиции.

В сфере пола, как и в сфере власти, рассматривается гендерное измерение. Здесь важны не только цифры, иллюстрирующие соотношение мужчин и женщин в электоральном поведении и подсчет результатов голосования мужчин и женщин за разные партии. Для конструктивистов важны диспозиции в полити-

ческой элите, ходы политических карьер, механизмы компенсации дефицитов власти за счет ресурсов гендерного маскарада. Построение имиджа политического лидера-мужчины как супермена (например, В. Жириновский) и использование обаяния как козыря в политической карьере женщины (И. Хакамада) — в арсенале ресурсов создания гендера в политических отношениях (Темкина 1996).

Средства массовой информации воспроизводят и усиливают образы гендерного мира. Они создают однозначно относимую к тому или иному полу и заряженную сексуальностью символику. СМИ используют символический капитал в производстве гендера. Образы супермужчины и суперженщины, Барби и Шварценеггер, феминистки и традиционные женщины создают диапазон возможных выборов и показывают, каковы шансы мужчин и женщин в управлении порядком.

гендер утверждается вербально. Феминистские культурологи, пытающиеся реформировать «гендернопораженный» язык, прослеживают, каким образом он создает и воспроизводит дискриминационный дискурс.

Приватная сфера предоставляет еще одну сферу создания гендерного порядка. Семья, дружеские отношения, сексуальность, отношения заботы — это сферы, где феминизм видит квинтэссенцию женского опыта и одновременно источник подавления женщины. Подавление связано с вытеснением женщины в домашний мир в контексте модернизационного проекта. *Дом* как категория является миром женщины и в традиционном обществе, и в обществе периода модерна. Как он устроен, какое место занимает в социуме в целом, какое место в *мире дома* занимает мужчина — все это становится предметом анализа гендерных практик данного общества.

И наконец, соотношение приватной и публичной сферы в данном социуме является ключевым для конструирования власти в отношениях между полами. Например, неразвитая публичная сфера ведет к кризису традиционной маскулинности, которая не в силах реализоваться в чуждой ей приватной сфере — нищей и бедной, но традиционно занятой женщинами, и прежде всего женщинами старшего поколения (Здравомыслова, Темкина 2006).

Еще одно исследовательское поле — *рекрутирование гендерных идентичностей*. Это понятие приходит на смену понятию

поло-ролевой социализации. Последняя подвергается критике еще и потому, что предполагается социальный консенсус по поводу поло-ролевой дифференциации. Социальные различия полов рассматриваются как справедливые и предполагающие взаимодополнение. При этом вне рефлексии оказывается социальное неравенство. Недаром Гофман, перефразируя Маркса, писал, что не религия, а гендер является опиумом для народа: мужчина современного капитализма, страдающий от подавления в разнообразных общественных структурах, всегда найдет женщину, выполняющую функцию заботы и обеспечивающую уход, — женщину, которая является обслуживающим персоналом по призванию (Goffman 1997a: 203).

Однако устойчивость гендерного консенсуса подвергается сомнению новыми образцами социального развития, в том числе и практикой феминистского движения. Люди творят свой гендер, изменяя отношения. Чтобы понять, зачем и каким образом они создают *новый гендер*, следует произвести анализ рекрутирования социальных идентичностей (в том числе гендерных).

Д. Кахилл описывает опыт дошкольников, используя эту модель (воспроизведенную Уэстом и Зиммерманом), но приходит к выводу, что смысл самоприписывания пола для ребенка заключается в идентификации себя как социально-компетентного субъекта. Ребенок называет себя соответственно мальчиком или девочкой прежде всего для того, чтобы быть взрослым в глазах других людей. Оппозиция детского и взрослого, безгендерно и гендерно специфического может быть проанализирована на примере игры дошкольников. Вначале дети младшего дошкольного возраста идентифицируются окружением как маленькие, в единственном числе они обозначаются словом «ребенок». В какой-то момент в процессе взросления они отказываются от своей идентификации с ребенком — с нерациональным, социально-некомпетентным существом. Перед ребенком открыты возможности идентифицироваться с группой через отнесение себя к категории по полу: можно называться (стать) либо мальчиком, либо девочкой. Характерный пример: девочка семи лет каждый раз в общественном транспорте, когда о ней говорят: «Осторожнее, здесь ребенок», отвечает без запинки: «Я не ребенок, я девочка».

Такой же пример приводит Кахилл, анализируя следующую ситуацию. Ребенок в группе дошкольников играет с ожерельем

и надевает его на шею, пытается примерить, но хочет, чтобы это-го никто не видел. Этот ребенок — мальчик. Подходит воспитательница и говорит: «Ты хочешь это надеть?» Мальчик говорит: «Нет, это носят девочки». — «Но это носит и король», — отвечает воспитательница. Ребенок возражает: «Я не король, я мальчик». Суть аргумента Кахилл в том, что роль мальчика выбрана в данном случае сознательно; этот молодой человек рекрутируется в категорию по признаку пола, потому что он хочет использовать ресурс компетентности, хочет быть взрослым. Для того чтобы стать взрослым, для того чтобы стать существом, принадлежащим к этому социальному порядку, он может быть только мужчиной или женщиной (см.: Уэст, Зиммерман 1997).

Возможности конструктивистской интерпретации гендерного порядка приводят к переформулированию теории социализации в категориях рекрутирования (конструирования) гендерной идентичности.

Итак, теория социального конструирования гендера основана на аналитическом различении биологического пола и социального процесса приписывания пола (категоризации по признаку пола). гендер при этом рассматривается как работа общества по приписыванию пола. Таким образом, гендер может быть определен как отношение взаимодействия, в котором проявляются мужское и женское, воспринимаемые как естественные сущности. гендерное отношение конструируется как отношение социального неравенства. Если исходить из теоретической посылки о конструировании гендера, то становится возможным выдвинуть положение о его реконструировании и изменении. Отношения между мужским и женским, представления об этих отношениях могут изменяться. гендерный дисплей может быть средством и подтверждения, и разрушения установленного гендерного порядка. Для того чтобы обеспечить возможности социального изменения, необходимо контекстуализировать отношения неравенства между явленными представлениями о сущностно мужском и женском.

Представление о гендере как социальном конструкте предполагает, что и пол, и гендер, и сексуальность производны от социального контекста. Социальная реальность гендерных отношений структурирована другими социальными отношениями, значимыми для воспроизведения существующего социального порядка. Эти отношения складываются по критериям

приписывания расы (этничности) и класса. По утверждению английских социологов Х. Энтиас и Н. Ювал-Дэвис, говорить отдельно о классе, гендере, этничности и расе неэвристично, потому что каждый контекст обусловлен синергетической связью этих категорий. гендер, класс и раса (этничность) создают синдром социальной идентичности. Так, например, черные мужчины и черные женщины подавляются белыми женщинами и белыми мужчинами; при этом в семьях низшего класса черные женщины могут доминировать над черными мужчинами. В азиатских культурах мы увидим иное отношение между полами, чем в европейских (Anthias, Uuval-Davis 1983).

Контекстуализация гендерных отношений является не только теоретической, но и политической позицией. Конструктивизм позволяет избежать гегемонии белых женщин среднего класса в феминистском дискурсе и практике феминистского движения. Представляется, что методология социального конструирования гендера в высшей степени продуктивна для исследования гендерной проблематики в российском контексте.